

ЗА РУБЕЖОМ

МНЕНИЕ
АВТОРИТЕТАГЛАЗАМИ
ОЧЕВИДЦА

В ПЕРВЫЙ раз я пришел в дом на улице Огня летом 1978-го. Открылась тяжелая деревянная дверь в стене из грубо отесанного камня, на пороге стоял человек среднего роста, одетый в темно-синий комбинезон. Курчавые с проседью волосы, в усах прячется мягкая улыбка.

Через покрытый упругим травяным ковром дворик проходим в небольшой флигель. Здесь рабочий кабинет мастера. В комнате тепло, почти жарко.

— Ты ведь знаешь, — говорит Габриэль, усадив меня в низкое удобное кресло, — я из тропиков, из Картахоны, поэтому мы здесь всегда подтапливаем, так мне привычнее, легче работается. Надеюсь, ты хоть и северянин, а меня извинишь. (Мы познакомились всего несколько минут назад, а хозяин уже перешел на «ты»). Это принято в Мексике, да и в других странах Латинской Америки).

Весь угол комнаты занимают стеллажи с пластинками и книгами, на столе два телефона, рядом пишущая машинка, на одной из полок — проигрыватель и магнитофон. Габо — так называют писателя родственники и друзья — говорит спокойным, тихим голосом, иногда усмехается сказанному, жестикулирует мало, движения рук плавные.

— Должен тебе признаться, — говорит он, — что очень не люблю давать интервью, но разговаривать с журналистами мне нравится. Я ведь сам начинал как газетчик, писал репортажи, репортажи, кинокритику, а за роман принимался, когда приходил домой. Поэтому давай просто поговорим, а ты потом напечатать все, что сочтешь нужным.

Так начались беседы, продолжающиеся вот уже более двух лет и, я надеюсь, еще не завершившиеся.

Заговорили о Кубе: приближался Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Гаване, куда Маркес был приглашен в качестве почетного гостя.

— Революция Фиделя Кастро, — говорит писатель, — имеет для нас огромное историческое значение: она помогла укрепить антиимпериалистическое сознание в Латинской Америке. Она сыграла огромную роль и в нашей духовной жизни.

У меня на этот счет особое мнение. Я считаю, что и процессы, приведшие к кубинской революции, и все, что произошло после нее, было отражено в латиноамериканской литературе не только в последние годы, но и раньше. То, что называется сейчас «бумом латиноамериканского романа», существовало, на мой взгляд, и прежде. В 60-е годы европейцы как бы заново открыли для себя целый континент, на который раньше не обращали внимания. Куба и ее революции стали модными темами в Европе. Модными и в хорошем, и в плохом смысле, и в хороших, и в плохих формах. Среди европейских интеллектуалов вошло в моду знать что-либо о Латинской Америке. Это стало так же важно для них, как носить модный костюм, модные ботинки. На всех углах появились плакаты с портретами Че Гевары, все отпустили бороды и длинные волосы, подражая «барбудос», спустившись с гор Сьерра-Маэстра. Будто вспыхнули разом тысячи ламп, выхватив из темноты целый континент. Это привело и к тому, что вдруг поняли: на этом континенте есть своя литература. А ведь она существовала и прежде, просто-напросто ее не замечали.

— В том числе и сами латиноамериканцы...

— Это то, к чему я хочу подойти. То, что я называю «латиноамериканским бумом», заставило и европейцев, и североамериканцев открыть для себя нашу литературу. Сначала это было культурное открытие, затем — коммерческая операция. Издатели Европы вдруг вспыхнули к нам интересом. Но ведь Алехо Карпентьер писал и до кубинской революции. И Хуан Рульфо тоже. И Карлос Фуэнтес, и я. (Моя первая книга вышла в 1955 году, а рассказы увидели свет еще раньше). Однако не было никакой возможности перевести их на другие языки, и они оставались в границах наших стран, где печатались тиражом не более одной тысячи экземпляров. А когда наши книги «открыли» европейцы и североамериканцы, то и дома начали осознавать, что у

нас есть своя литература, мы стали «завоевывать» нашего собственного читателя. Парадоксально, грустно, но дело обстоит именно так. Грустно потому, что это наследие колониализма, потому что нас приучили считать что-либо хорошим только тогда, когда это считают хорошим в Париже или Нью-Йорке. Хотя в данном случае, на мой взгляд, Париж и Нью-Йорк не ошиблись. А теперь основной рынок для наших книг — Латинская Америка. Ведь что получилось: моя книга «Сто лет одиночества», к примеру, переведена на 21 язык, в том числе, скажем, на шведский. Но я не думаю, что тираж там превысил 10 тысяч экземпляров. А в Латинской Америке он составляет около четырех миллионов. И, что самое важное, «Сто лет» прочитало здесь уже не одно поколение.

листки картотеки, спрашивает меня о некоторых советских знакомых.

— Ты говорил об эпохе диктаторов, — возвращаюсь я к одной из затронутых нами тем. — Их и сейчас предостаточно в Латинской Америке. Многие считают, что фашизм на континенте находится в наступлении. Что ты думаешь об этой опасности?

— Думаю, что она реальна. Более того, она достигла уровня, какого мы раньше не могли себе и представить. Причем нынешние диктаторы отличаются от прежних. Они не такие живописные, что ли. С одной стороны, они более организованны, лучше оснащены технически, как, скажем, Пиночет. С другой — более примитивны и серы, как, например, Сомоса. Тем не менее, на мой взгляд, уже начался про-

роман в истории человечества — это «Война и мир». Но, к сожалению, ни русские классики, ни советские авторы еще не известны по-настоящему широким массам латиноамериканцев.

— В печати были сообщения, что на конгрессе «испаноязычных» писателей на острове Мальорка один из участников заявил, что ты «лакей советского блока»...

— Он говорит, что я лакей советского блока, потому что считает, что я лакей Кубы, а Куба — лакей СССР. Тут, по-моему, и отвечать ничего не требуется. У него будет еще больше оснований нападать на меня, когда я напишу репортажи о Вьетнаме. Он хочет подчеркнуть, на чьей стороне я нахожусь в этой борьбе. А здесь нет никаких сомнений, никакой загадки. Я на стороне социалистической революции. Тот, кто меня в этом обвиняет, находится по другую сторону баррикад. И я воспринимаю такую их реакцию не иначе, как похвалу для себя.

Габо оборачивается к радиоприемнику и усиливает звук. Передают о боях сандинистов.

— Нет никакого сомнения в том, что в Никарагуа уже начался процесс демократизации, и он необратим. Сейчас эта страна превратилась в центр тяжести всей Центральной Америки. Все, что там происходит и произойдет, значительно повлияет на события во всем регионе. Было бы прекрасно, если бы Центральная Америка, которая, похоже, больше других на континенте натерпелась от реакционных диктатур, встала бы на путь подлинной демократизации.

Шло время. Писатель по-прежнему интенсивно работал, посвящая себя политической журналистике. Не оставалась в стороне и общественная деятельность: он создал ассоциацию помощи политическим заключенным и беженцам. Для осуществления ее задач Гарсиа Маркес постоянно поддерживает контакты с министрами, политиками, видными общественными деятелями. Двери дома на улице Огня всегда открыты для тех, кто нуждается в поддержке, для тех, кто борется за свободу, кто находится на линии огня. На литературу почти не остается времени. Но писатель не может не писать. Подготовлена книга о Кубе, объявлено о скором издании нового романа.

...И вот новая встреча с Габриэлем. На этот раз — в столице свободной Никарагуа, на площади Революции имени Карлоса Фонсеки Амандора. 19 июля 1980 года. Идет парад по случаю первой годовщины победы Сандинистской народной революции. Среди почетных гостей на трибуне — писатель-интернационалист, который своим пером, своей солидарностью внес большой вклад в торжество правого дела.

— Что означает для тебя этот день, эта годовщина?

— Еще один день революции. Борьба и победа никарагуанского народа — хорошая школа для нас. Теперь необходимо сражаться за то, чтобы победили другие. Урок Никарагуа может быть очень полезным для остальных стран Латинской Америки.

— Сейчас в нескольких сотнях километров отсюда льется кровь: народ Сальвадора ведет гражданскую войну против тирании. Как ты оцениваешь ситуацию в этой стране?

— Я же тебе говорил, что я профессиональный оптимист. Так вот, я считаю, что через год Сальвадор будет накануне первой годовщины победы революции!

...Габриэля торопили. Его время было, как всегда, рассчитано по минутам.

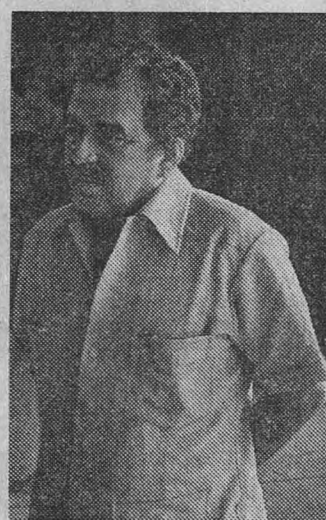
— Я мог бы рассказать тебе еще многое, очень многое. Сколько разных событий произошло за минувший год! Давай при следующей встрече, — он пожал мне руку, — в Мехико или еще где-нибудь. Ведь не в последний раз увидимся?

Владимир ТРАВКИН,
соб. корр. АПН — специально для
«Советской культуры».

МЕХИКО — МАНАГУА — МЕХИКО.

Габриэль Гарсиа Маркес в Гаване в дни
Всемирного фестиваля молодежи и студентов.
Фото В. Кучерова.

Габриэль Гарсиа МАРКЕС:

Я с теми, кто
на линии огня

ГАБРИЭЛЯ ГАРСИА МАРКЕСА НЕ НУЖНО ПРЕДСТАВЛЯТЬ. ЕГО КНИГИ, С КОТОРЫМИ ХОРОШО ЗНАКОМ СОВЕТСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ, РАЗОШЛИСЬ ПО ВСЕМУ СВЕТУ. НО ОН — НЕ ТОЛЬКО ПИСАТЕЛЬ. ЭТО ЧЕЛОВЕК, ПОСТАВИВШИЙ СВОЙ ОГРОМНЫЙ ТАЛАНТ НА СЛУЖБУ ДЕЛУ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ. МНЕ ПОСЧАСТИЛИСЬ НЕОДНОКРАТНО ВСТРЕЧАТЬСЯ С НИМ.

Значит, жизнь книги продолжается.

Однажды я уже говорил, что по-настоящему познакомился с Латинской Америкой в Париже. Я жил там, когда на Кубе правил Батиста, в Венесуэле — Перес Хименес, в Колумбии — Рохас Пинилья, в Аргентине — Перон, в Доминиканской Республике — Трухильо. Это была эпоха диктаторов. А в Париже собралось целое поколение изгнанников. В ту пору, бродя по Латинскому кварталу, переходя из кафе в кафе, от столика к столику, я мог перебраться из Аргентины в Бразилию, из Бразилии — в Никарагуа и так далее, пока однажды вдруг не почувствовал, что могу быть гражданином любой страны нашего континента. Я осознал себя латиноамериканцем.

— И не колумбийцем?

— Нет, нет. Латиноамериканцем. Для меня начисто исчезли границы. Сейчас я пишу рассказы о латиноамериканцах в Европе. Вернее, стараюсь объяснить самому себе, что происходило со мной во время тех парижских путешествий.

— Это будет книга о латиноамериканских эмигрантах?

— Отнюдь. Меня в данном случае больше интересует столкновение, слияние культур. Думаю, что наша смешанная культура, культура-метис, синтезировалась таким образом, что в ней есть немного от Испании, немного, совсем чуть-чуть, от Италии, скорее даже от южного Средиземноморья. Но, где я чувствую себя лучше всего, где нахожу больше всего моих корней, так это в Анголе, в черной Африке. Вся система образования в наших странах исходит исключительно из того факта, что у нас испанские корни. Это верно, однако нам, жителям карибских стран, следует, помнить и о своих африканских истоках.

— Это относится только к жителям карибских стран?

— Конечно. Я утверждаю это потому, что сам карибец из города Картахоны. Хотя хочу подчеркнуть, что уже существует синтез различных латиноамериканских культур. Мы, повторяю, латиноамериканцы.

...Габо выдвигает ящик стола, перебирает

десс упадка диктатур. Ведь уровень применяемых ими репрессий говорит и об уровне сопротивления народов, которое гораздо сильнее, чем в прежние времена.

Минул год, и я вновь постучался в дом на улице Огня. На сей раз Гарсиа Маркес собирался в другое зарубежное путешествие. Его ждали в Японии, Вьетнаме, Советском Союзе. Я спросил писателя о целях этой поездки.

— Во Вьетнам собирался поехать давно. Я испытываю огромное уважение к вьетнамскому народу и его революции. Хочу увидеть, как идет процесс восстановления и перестройки жизни после войны, которую вьетнамцы выиграли у самой мощной империалистической державы. Западная печать не прекращает бурную кампанию, пытаясь исказить суть происходящего в этой стране.

— После Вьетнама ты побываешь в СССР как гость традиционного Московского международного кинофестиваля. Что ты думаешь о значении культурных связей между СССР и Латинской Америкой, о знакомстве с советской культурой на вашем континенте?

— Существуют институты культурного обмена: мексикано-советский, колумбийско-советский, перуано-советский и другие. Они очень полезны и достаточно деятельны. Но сделать в этой области еще можно и нужно очень многое.

Необходимо учитывать, что, прикрываясь утверждениями о «дьявольском советском внедрении», США вовсю занимают культурным проникновением. Они оказывают очень сильное и отрицательное воздействие на нашу культуру. И в этой связи особенно важно, чтобы культурный обмен между СССР и нашими странами получил настоящее развитие.

Мои книги издаются в СССР значительными тиражами, и это дает мне основания считать, что я внес свой скромный вклад в важное дело. Но мы должны больше и лучше знать русских и советских авторов. У вас есть прекрасные писатели: Пушкин, Толстой, Достоевский, Шолохов. Для меня самый великий